

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ КОНСТРУКТИВНЫХ ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Юлия Владимировна Баталова^{1✉}, Юрий Рачикович Айрапетян²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Юлия Владимировна Баталова, 3j@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблематике конструктивизации инициатив негосударственных некоммерческих организаций в контексте все возрастающей потребности современных государств противодействовать проявлениям нежелательной политической деятельности третьего сектора. Конструктивные гражданские инициативы негосударственных некоммерческих организаций направлены в адрес органов публичной власти с целью удовлетворения нематериальных потребностей целевых групп, соответствующих основам конституционного строя и ценностям национальной государственности, реализующиеся в формах и технологиях, не запрещенных законом и этическими нормами. При этом сформулированы следующие критерии, позволяющие дифференцировать конструктивные гражданские инициативы данных организаций от деструктивных проявлений их социально-политической деятельности: соответствие сущности инициативы базовым ценностям национальной государственности; формат выражения гражданской инициативы, не запрещенный законом и отвечающий нормам публичной этики. В исследовании доказано, что вопреки мнению отечественных представителей либеральной мысли гражданские инициативы «протестной публики» не служат «спусковым механизмом» демократизации незападных стран (в том числе России), а чаще всего перерастают в деструктивные действия по отношению к идее национальной государственности. Сделан вывод о необходимости внедрения в российскую политическую науку и практику категории «конструктивные гражданские инициативы негосударственных некоммерческих организаций» в целях преодоления узколиберального подхода к изучению отечественного феномена общественных организаций, а также расширения возможностей для реализации российскими негосударственными некоммерческими организациями созидательного политического потенциала.

Ключевые слова: негосударственные некоммерческие организации, гражданское общество, конструктивные гражданские инициативы

Для цитирования: Баталова Ю. В., Айрапетян Ю. Р. Политическая сущность конструктивных гражданских инициатив негосударственных некоммерческих организаций // Развитие территорий. 2024. № 4. С. 50—57. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-50-57>

State and civil society, ideology and politics

Original article

POLITICAL ESSENCE OF CONSTRUCTIVE CIVIL INITIATIVES OF NON-GOVERNMENTAL NON-PROFIT ORGANIZATIONS

Yulia V. Batalova^{1✉}, Yuri R. Hayrapetyan²

^{1,2} Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation
Corresponding author: Yulia V. Batalova, 3j@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of constructivization of initiatives of non-state non-profit organizations in the context of the increasing need of modern states to counteract the manifestations of undesirable political activities of the third sector. Constructive civic initiatives of non-state non-profit organizations are directed to public authorities in order to meet the non-material needs of target groups, corresponding to the foundations of the constitutional order and values of national statehood, implemented in forms and technologies that are not prohibited by law and ethical norms. At the same time, the authors formulated the following, allowing to differentiate constructive civic initiatives of these organizations from destructive manifestations of their socio-political activities: correspondence of the essence of the initiative to the basic values of the national statehood; the format of expression of civic initiative, which is not prohibited by law and meets the norms of public ethics. The study proves that, contrary to the opinion of domestic representatives of liberal thought, civic initiatives of the «protest public» do not serve as a «trigger mechanism» for democratization in non-Western countries (including Russia), and most often grow into destructive actions in relation to the idea of national statehood. It is concluded that it is necessary to introduce into Russian political science and practice the category of «constructive civic initiatives of non-state actors».

Keywords: non-governmental non-profit organizations, civil society, constructive civic initiatives

For citation: Batalova Yu.V., Hayrapetyan Yu.R. Political Essence of Constructive Civil Initiatives of Non-governmental Non-profit Organizations. *Territory Development*. 2024;(4):50—57. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2024-4-50-57>



Деятельность современного демократического правового социального государства ориентирована на последовательную гарантию реализации прав и свобод человека, обеспечение национальной безопасности и развитие человеческого капитала (потенциала).

Однако ни одно государство как политический институт не в состоянии в одиночку справиться с реализацией своих функций в полной мере. В этой связи партнером власти в вопросах инициирования и реализации социально ориентированной политики становятся институты гражданского общества, в первую очередь негосударственные некоммерческие организации (НКО).

С середины прошлого века стала очевидной несостоятельность утверждения о том, что государственно-политическое управление является исключительной сферой деятельности правительственных институтов. На социально-политической арене НКО выступили как субъекты, влияющие на процесс инициирования, разработки и реализации государственной политики в отношении общества, трансформируя сферу государственной монополии в область публичного управления.

Возникнув как социальное явление, по мере институционального оформления НКО приобретали все большую значимость в политике (если трактовать последнюю в широком смысле, как искусство жить вместе).

Политическая значимость НКО в современных демократиях состоит в том, что они выступают инициаторами и носителями гражданских инициатив.

Термин «гражданская инициатива» некоторые авторы понимают как форму волеизъявления граждан, посредством которой транслируется мнение определенной группы населения в компетентные государственные и муниципальные органы власти с целью получения ответной реакции [1, с. 48]. Другие считают, что это форма принятия политических решений в будущем [2, с. 25]. Таким образом, гражданские инициативы, являющиеся социальными по своей природе, реализуются политическим путем, поскольку их осуществление предполагает взаимодействие с органами и институтами публичной власти.

Возникновение гражданских инициатив послужило своеобразной реакцией на некоторую стагнацию представительной демократии и ее институтов в постиндустриальном мире [3].

Гражданская инициатива сплачивает представителей самых разных слоев и социальных групп вокруг конкретной проблемы либо задачи. «Ядро» гражданской инициативы — численно небольшая группа сопереживающих обывателей и/или профессионалов в данной сфере — стремительно (особенно в условиях тотальной интернетизации социально-политического пространства) обретает поддержку так называемой «периферии» — представителей самых различных слоев и групп ответственности [4].

Источником выдвижения или мощным ресурсом поддержки гражданских инициатив в совре-

менных государствах выступают группы влияния и группы давления. Однако при отсутствии либо несоблюдении публично-демократических традиций и легальных процедур властно-общественного взаимодействия такие инициативы могут стать инструментом достижения индивидуальных либо узкогрупповых целей политических субъектов [5].

Таким образом, гражданская инициатива, не являясь социально-политическим институтом, дает мощный импульс активизации властно-общественных отношений. Она не только «оживляет» существующие, но и способствует появлению новых направлений, развитию институтов, форм и технологий государственно-общественного взаимодействия.

Сегодня как никогда актуален тезис К. Шмитта о том, что все вопросы, прежде бывшие государственными, становятся общественными и наоборот [6], поскольку публичная власть и гражданское общество соединяются для совместной созидательной работы, а стимулирование и поддержка властью гражданских инициатив становятся политической сущностью демократий.

Гражданские инициативы НКО — одно из наиболее значимых явлений современной общественно-политической жизни, поскольку они являются плодом осознанного коллективного интеллектуального труда активных граждан — лидеров и участников общественных организаций — и имеют своей целью преобразование социальной реальности путем взаимодействия с представителями публичной власти. Эти инициативы могут быть предложены и реализованы в форме социально (либо социально-политически) ориентированных проектов, услуг, практик и технологий. Они отличаются большей, чем индивидуальные гражданские инициативы, результативностью и эффективностью в аспектах целедостижения, организации, расходования общественных и государственных ресурсов, долгосрочного воздействия на социальные отношения, явления и процессы.

Используя гражданские инициативы, НКО реализуют свою социальную и политическую функцию и в то же время могут проявлять сущность общественно-политического института.

Социальная (общественная) функция НКО понимается как содействие удовлетворению нематериальных потребностей определенных целевых групп общества. В политической науке и практике социальная функция НКО определяется в терминологии как содействие развитию человеческого капитала [7]. При этом НКО могут представлять гражданские инициативы в различных сферах деятельности, таких как защита прав отдельных социальных групп, поддержка определенных слоев населения, улучшение качества оказания услуг в отдельных сферах общественной жизнедеятельности. Но проявляя социальные инициативы, они не могут не взаимодействовать (прямо или опосредованно) с представителями и институтами публичной власти, не могут не влиять на общественное мнение, поскольку вопрос удовлетворения нематериальных потребно-

стей определенной социальной группы рано или поздно начинает привлекать все большее внимание широкой публики и становится объектом политического внимания. И в этом проявляется политический функционал НКО.

Социальные инициативы положительно характеризуют НКО как организацию, приносящую (либо желающую принести) определенную пользу для целевой социальной группы.

Оценка современным научным и экспертным сообществом политического функционала и инициатив НКО не столь однозначна.

С позиции либерализма гражданское общество всегда имеет приоритет над государственной властью. При этом политическая деятельность и инициативы НКО независимо от их характера и способов проявления воспринимаются либералами как приносящие благо данной политической системе в аспектах ее демократизации и самоорганизации. Однако в XXI в. постулат политического либерализма переосмысливается. Так, в период множественных кризисов и угроз политическая деятельность и инициативы НКО все чаще анализируются с позиции обеспечения политической безопасности. Растет количество исследований, в которых анализируются практики негативного, дестабилизирующего воздействия на политическую систему, государственные и общественные институты, политическую культуру и ее элементы неправительственных (международных) и внутригосударственных НКО, использующих инструменты как «мягкого» влияния (просветительская, образовательная, информационно-пропагандистская деятельность), так и «жесткой» политической силы (организация протестных акций, террористических актов и т. д.) [8]. Неприбыльный характер как основной принцип деятельности НКО объективно усиливает риск их политической ангажированности со стороны деструктивных политических сил. Соответствующие факты свидетельствуют об иллюзорности тезиса либерально ориентированных исследователей и экспертов о независимости НКО от государства (либо конкретных политических элит).

По оценкам экспертов, начиная со второй половины XX в. финансовая и политическая мощь НКО в США и странах Западной Европы выросла в сотни раз, их политическое влияние стало сопоставимо с влиянием государственных институтов, а в ряде случаев и превосходить их [9].

Так, А. И. Подберезкин и другие исследователи, анализируя статистику динамики количества НКО в России по декадам с 1920 по 2010 г., подготовленную Центром военно-политических исследований МГИМО), отмечают, что с 1990 г. и каждые последующие 10 лет общее количество НКО увеличивается на треть, а количество «небезопасных» НКО (тех, которые могут негативно влиять на ценности, самосознание и иные аспекты национальной самоидентификации) с 1990 по 2000 г. увеличилось в два раза [10, с. 13]. С середины 2000-х гг. эта тенденция идет на спад, что

связано с актуализацией властью борьбы с влиянием иностранных агентов.

Однако, как справедливо заметил В. С. Комаровский, применительно к современной России «нынешняя модель властвования вполне эффективна, чтобы не допустить нежелательных действий со стороны других акторов, но неэффективна в плане того, чтобы побудить их действовать конструктивно в пользу общества и государства» [11, с. 5].

Признавая значимость борьбы с иноагентами и нежелательными организациями для обеспечения политической безопасности России XXI в., следует отметить, что на сегодняшний день эта политика носит реактивный характер (поскольку реализуется по последствиям), и она не получила серьезной концептуальной проработанности (поскольку предполагает лишь наличие мер юридического и материального воздействия).

Изложенное актуализирует необходимость проработки политики стимулирования гражданских инициатив НКО на идейном и концептуальном уровне. В России нужно создать такие условия (стимулы) для НКО, чтобы инициировать и реализовывать полезную для общественности и страны деятельность было почетно и преумножало бы репутационный капитал, а проявлять опасные для национальной политической системы инициативы — стало бы не только невыгодно юридически и экономически, но и неэтично с точки зрения мнения общественности.

Потребность конкретизировать позитивные и негативные аспекты социально-политической деятельности НКО применительно к России диктует необходимость категоризации как конструктивных, так и деструктивных гражданских инициатив НКО в отечественной политической теории и практике.

Критерии предлагаемой классификации:

— характер инициативы НКО по отношению к целям развития человеческого капитала, базовым ценностям национальной государственности, политической безопасности страны;

— способы и технологии реализации инициативы НКО в соотношении с целями обеспечения политической безопасности.

Под конструктивной гражданской инициативой НКО следует понимать предложение НКО с учетом этих критериев в адрес органов публичной власти и управления, направленное на удовлетворение нематериальных потребностей целевых групп, соответствующее основам конституционного строя и ценностям национальной государственности и реализующееся в формах и технологиях, не запрещенных законом и этическими нормами.

Как следует из определения, конструктивные гражданские инициативы НКО в отличие от гражданских инициатив имеют следующие особенности:

1) соответствие сущности инициативы НКО базовым ценностям национальной государственности, укорененным в истории, политической куль-

туре страны, составляющей основы национального менталитета, а также закрепленным в Основном законе государства и конкретизированным в публично-политических документах;

2) не запрещенный законом и отвечающий нормам публичной этики формат выражения гражданской инициативы. Большинство государств закрепляют и гарантируют различные формы гражданского участия на всех уровнях системы публичной власти и управления: акцептные, т. е. поддерживающие действующую политику (участие в референдуме, инициирование конференции, схода граждан, обращение в государственные и муниципальные органы); протестные, т. е. выражающие оппозиционное мнение общественности по определенному вопросу (митинги, одиночные пикетирования и т. д.) Важно, чтобы формат выражения конструктивных гражданских инициатив не приводил к подрыву основ государственного строя и нарушению политической безопасности. В данном контексте восстание, несанкционированный митинг, революция или провокация массового девиантного политического поведения в сети Интернет априори не могут быть конструктивными гражданскими инициативами, какими бы благородными целями они не были оправданы.

К деструктивным гражданским инициативам НКО можно отнести все те, которые не отвечают хотя бы одному из предложенных критериев.

Соответственно, государственная политика стимулирования гражданских инициатив НКО должна разрабатываться и реализовываться в двух взаимосвязанных направлениях. С одной стороны, следует создавать условия для проявления НКО конструктивных гражданских инициатив, с другой — обеспечить систему профилактических мер для снижения деструктивного политического потенциала НКО.

Проявление деструктивных гражданских инициатив в среде НКО является одной из наиболее серьезных политических угроз для государств.

Данный тезис сегодня оказывается справедливым применительно к западным странам. Деидеологизированный либерализм конца XX в., ставший почвой для роста гражданских инициатив в США и странах Запада в эпоху постмодерна, в то же время способствовал «размыванию» ценностей классической либеральной демократии, взамен не предложив сколько-нибудь значимых идей, которые могли бы послужить основой политической консолидации власти и общественности. Так, инициативное гражданское общество, которое компетентно, часто в режиме конфликта взаимодействует с государством по вопросам соблюдения и защиты своих прав и законных интересов, предлагает власти альтернативные пути и механизмы решения актуальных проблем социально-экономического развития, — подверглось эрозии в условиях развития так называемого «индивидуализированного сообщества», в котором, по меткому выражению З. Баумана, «подавлялись проявления человеческого духа, в прошлом вдох-

новлявшие людей к социальным преобразованиям» [12, с. 105]. Наиболее известные постсовременные гражданские инициативы (например, протесты шведской экоактивистки Греты Тунберг, демонстрации в Европе в защиту сексуальных меньшинств) являются по сути технологичными скандальными акциями и не несут ничего созидательного для западноевропейской государственности и цивилизации.

Для государств, не принадлежащих к западноевропейской цивилизации и испытавших на себе последствия либерально-демократических «прививок» (в терминах классической политологии такие государства называются «гибридными», реже «молодыми», незападными демократиями), тезис о необходимости стимулирования властью конструктивных гражданских инициатив НКО оказывается тем более справедлив. Поощряя количественный рост НКО-сектора и не уделяя внимание его качественным характеристикам, власть в этих странах рискует «вырастить» деструктивные общественно-политические силы.

Изложенное актуализирует значимость более объективного, свободного от либерального догматизма изучения этой проблематики в рамках современной политической науки.

Представители классической американской и западноевропейской политологии придерживаются либеральной парадигмы осмысления политической деятельности и гражданских инициатив НКО. Основу методологии изучения НКО представителей этих стран составляет парадигма коллективных действий и новых общественных движений.

Сторонники парадигмы коллективных действий полагают, что государство должно создавать условия для выражения и реализации всех гражданских инициатив, в том числе и инициатив протестных движений. Путем протеста (стихийного или сознательного) общественность высказывает свое недовольство государственной политикой, публично выражает инакомыслие и критикует правительство, требует кардинальных перемен текущей социально-политической ситуации [13]. Проявление гражданского протеста рассматривается в качестве неинституционального фактора развития публичной политики, поскольку гражданский протест позволяет снять накопившееся напряжение из-за социальных или психологических деформаций и, следовательно, снизить уровень внутренней энтропии в политической системе в том случае, если государственные действия недостаточно эффективно [14].

Таким образом, сторонники парадигмы коллективных действий все гражданские инициативы считают безусловным благом для социально-политического развития, исключая из исследовательского фокуса феномен гражданского деструктивизма. В рамках парадигмы коллективных действий изучались движения новых левых, движения за гражданские права чернокожих американцев, феминистические движения 1960—1970-х гг. в США. Позднее, с позиции теории новых обще-

ственных движений, изучались западноевропейские экологическое, женское, антиядерное движения и движение за мир 1970—1980-х гг., ориентированные на поиск ценностей постиндустриального общества. При всем разнообразии этих движений их инициативы не выходили за рамки либерально-демократической государственности, сводясь к проведению изменений действующего законодательства, реформированию существующих либо внедрению новых институтов, а также технологиям разработки и реализации государственной политики в той или иной сфере, в том числе в условиях постиндустриализма.

Во всех исследованиях не учитывались общественные движения, которые были носителями деструктивных гражданских инициатив (например, радикальные политические движения в странах Восточной Европы и СССР в 1980-е гг.) Эти движения называются по-разному («экспрессивные», «общие», «антидвижения») и их изучение в основном носит историко-описательный характер [15].

Современные отечественные работы по изучению общественных движений и их инициатив, осуществленные в русле парадигм коллективного действия и новых движений, сконцентрированы на прикладных аспектах: формате, ресурсах, технологиях (в том числе информационно-коммуникативные), а также на сотрудничестве с властью, оценке эффективности использования ресурсов, результативности и влиянии на общество и государство [16]. Особое внимание в таких работах уделено протестным гражданским инициативам и общественным движениям в современной России. Соглашаясь с тем, что в России сложился отличный от западноевропейского тип властно-общественных отношений (он характеризуется как патерналистский, этатистский, традиционный), российские исследователи по-разному относятся к роли протестных гражданских инициатив в политических процессах государства.

Приверженцы либеральной традиции указывают, что гражданский протест, неповиновение «становится тем единственным институтом, благодаря которому формы участия граждан лежат в политической плоскости, а решение социальных проблем зависит от результатов оказываемого давления на органы власти» [2, с. 14]. В этом смысле протестные гражданские инициативы рассматриваются как проявление зрелости политической культуры граждан [17 ; 18].

Подчеркивается, что развитию либеральной модели властно-общественного взаимодействия в России (как и в других западных демократиях: Тунисе, Марокко, Турции) препятствуют нелиберальные факторы национальной государственности (закрытость политической системы, неравность механизмов властно-общественного взаимодействия [19]; восприятие представителями политической элиты сущности публичной политики как игры на публику и субъективизм в принятии политических решений [20]; устойчивое воспроизводство архетипов традиционной политической культуры [21]). Н. Ю. Беляева под

термином «протестная публика» понимает особую общность граждан, обладающую следующими признаками: информированностью; компетентностью; включенностью; заинтересованностью; свободой мысли, мнения, действия; связанностью в сообщество; готовностью действовать [22, с. 73]. Таким образом, согласно либеральному подходу, инициативы «протестной публики» должны послужить «спусковым механизмом» демократизации западных стран [23].

Однако, несколько абстрагируясь от либерально ориентированного подхода, можно обнаружить, что в условиях нелиберальной социально-политической среды такие протестные инициативы с большой вероятностью перерастают в деструктивные, т. е. способствуют разрушению национальной государственности, предоставляя взамен идеи свободы и демократии. Не находя широкой социальной опоры, эти идеи, по меткому выражению М. Вишняка, обнаруживают свою «либеральную пустоградность» [24, с. 49].

Данный сценарий был реализован в конце 1970 — начале 1990-х гг. в ряде государств постсоветского блока, где стремительная либерализация новых государственно-политических элит способствовала образованию ценностно-идеологического вакуума в системе властно-общественных отношений. В это время активными инициаторами и агентами политических изменений в западных демократиях становятся зарубежные неправительственные организации (их отделения и представительства) [25 ; 26]. Под эгидой благотворительной и просветительской деятельности они широко используют технологии влияния на общественное мнение и нередко становятся наставниками и вдохновителями, а также и основными спонсорами нарождающихся внутригосударственных организаций НКО-сектора.

Поскольку общественные организации включают самых активных в социально-политическом плане граждан, а наиболее «горячими» точками властно-общественного взаимодействия являются вопросы защиты прав человека, закономерным становится то, что, впитав идеи и ценности либерализма, лидеры и члены правозащитных НКО в западных демократиях попросту не могли не стать идейными оппонентами по отношению к любой власти (кроме ультралиберальной), а все попытки государства повлиять на характер развития данных организаций считали покушениями на их ценности и независимость. В итоге нарождающийся в западных демократиях 1980—1990-х гг. правозащитный некоммерческий сектор стал «протестной публикой», тиражирующей ультралиберальные гражданские инициативы.

Позднее, когда в борьбу за политическую власть в этих странах вступили более умеренные и конструктивные в плане обеспечения политической безопасности силы, ценностный конфликт либерально ориентированных правозащитных НКО с властью и нелиберальной по своей сути социально-политической средой вылился в от-

крытое противостояние. Тогда деструктивный характер ультралиберальных инициатив стал очевиднее. Проявлениями такой деструкции оказались, в частности, «цветные» революции в Грузии (2003), Украине (2004), Киргизии (2005) и других странах (массовые акции гражданского протеста под предводительством либеральных лидеров общественного мнения, распространение оппозиционных (в духе ультралиберализма) по отношению к власти и ее представителям материалов, пропаганда (в том числе в молодежной среде) идей и ценностей, направленных на подрыв основ национальной государственности) [8].

Либерально ориентированные гражданские инициативы послужили деструктивной политической силой в имперский и ранний постсоветский периоды российской государственности.

Исследуя причины этого феномена, представители отечественной общественно-политической мысли имперской России и эмигрантской мысли 1920—1930-х гг. отмечали упрощенное, поверхностное и в то же время восторженное восприятие либерализма как политическими элитами, так и определенными слоями общественности. Этот феномен русского политического менталитета исследователи называют «демократическим идолопоклонничеством» [27].

Доказано, что в России именно народники и революционеры пытались реализовать ультралиберальные идеи в форме радикальных инициатив, что стало глубинным фактором дестабилизации российской государственности на исходе XIX — в начале XX в. Это существенно ослабило самодержавную власть, лишило ее народной поддержки и стало одним из ключевых факторов гибели Российской империи [28, с. 450—458].

Основываясь на результатах ретроспективного анализа попыток либерализации постсоветской России, сегодня все больше исследователей приходят к сентенции, в соответствии с которой для страны неприемлемы идеи классического либерализма [29].

Введение предложенной в данной статье категории «конструктивные гражданские инициативы НКО» в оборот отечественной политической науки может способствовать устранению «издержек» либерального подхода к исследованию общественных организаций как социально-политического института, а также содействовать корректной реализации в стране политики поддержки и развития третьего сектора в аспектах актуализации созидательного политического потенциала НКО и разработки профилактических мер по уменьшению их деструктивной политической деятельности.

Список источников

1. Ягодка Н. Н. Гражданская инициатива как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления в Российской Федерации // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2014. № 3. С. 47—59.
2. Киняшева Ю. Б., Мураценок С. В. Роль гражданских инициатив в решении социально-экономических проблем региона // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2016. № 2. С. 23—28.
3. Ножка С. М., Чумаченко А. П. Социально значимые политические инициативы как интегративная категория политической коммуникации: приближение к формулированию дефиниции // Электронный научный журнал «ГосРег». 2019. № 1. С. 43—51.
4. Мирясова О. Что такое гражданские инициативы? // URL: <http://www.rpk.len.ru/theory/CivInit.html> (дата обращения: 02.05.2024).
5. Каневский П. С. Национальные модели лоббизма: типы и механизмы функционирования // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2013. № 3. С. 121—138.
6. Шмитт К. Понятие политического // Антология мировой политической мысли : в 5 т. М., 1997. Т. 2. С. 290—310.
7. Аузан А. Человеческий капитал и роль договороспособности: как изменились НКО за 30 лет. URL: <https://asi.org.ru/2024/04/25/chelovecheskij-kapital-i-rol-dogovorospobnosti-kak-izmenilis-nko-za-30-let/> (дата обращения: 27.08.2024).
8. Рукина И. М., Анфимова А. Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Т. 17, № 1. С. 118—121.
9. Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М. : Россотрудничество, 2020. 60 с.
10. Боброва О. В., Подберезин А. И., Подберезкина О. А. Негосударственные институты развития — силовые средства политики // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2021. № 9. С. 5—33.
11. Комаровский В. С. Эволюция взглядов на государство в постсоветской России и на Западе на рубеже веков // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2013. № 4 (118), т. 2. С. 5—8.
12. Бауман Зигмунт. Индивидуализированное сообщество / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. М. : Логос. 2005. 390 с.
13. Артюхина В. А. Социальный протест как проявление гражданского общества // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. 2011. № 3. С. 251—255.
14. Travaglino G. A. Social sciences and social movements: the theoretical context. Contemporary Social Science. 2014. Vol. 1. P. 1—14.
15. Молодчик Е. Л. Общественные движения и гражданские инициативы в Российской Федерации в 1985—1999 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. 202 с.
16. Соколов А. В., Левченко И. А. Результативность деятельности протестных групп: показатели и их апробация // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 2. С. 79—100.
17. Кутыгина Е. Н. Культура политического протеста : автореф. дис. ... канд. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2005. 24 с.
18. Лалетин И. Н. Гражданские протесты в российском обществе в условиях трансформации: формирование и социальная динамика : автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 27 с.
19. Ульданов А. А. Protest public as a source of civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011—2012 // Право и политика. 2016. № 3. С. 388—396.

20. Беляева Н. Ю. Публичная политика в России: сопротивление среды // Полис. Политические исследования. 2007. № 1. С. 22—32.
21. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика (заметки историка о причинах неудачи демократического транзита) // Полис. Политические исследования. 2006. № 1. С. 34—42.
22. Беляева Н. Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание «движущим силам» и управляющим субъектам // Полис. 2011. № 3. С. 72—87.
23. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the «Triggers» of Political Changes in Hybrid Regimes: the Cases of Tunisia, Marocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. P. 233—257.
24. Вишняк М. Политика и мирозерцание (О «русском социализме») // Современные записки. 1928. Кн. XXXVI. 350 с.
25. Ежов Д. А. К вопросу об эффективности правовых механизмов сдерживания деструктивной деятельности экологических организаций в России // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 330—332.
27. Огнева В. В., Киселев С. А. Проблемные аспекты государственного регулирования деятельности политического института иностранных агентов в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 1. С. 36—45.
27. Омельченко Н. А., Гимазова Ю. В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // Социодинамика. 2013. № 9. С. 153—182.
28. Ольденбург С. С. Царствование Николая II. М. : АСТ, 2003. С. 450—458.
29. Гражданская идентичность россиян: современный политический концепт : моногр. / Н. А. Баранов, Т. В. Бугайчук, О. А. Коряковцева и др. Ярославль : ЯГПУ. 2022. 179 с.

References

1. Yagodka N.N. Grazhdanskaya initsiativa kak faktor povysheniya effektivnosti gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya v rossiyskoy Federatsii [Civic Initiative as a Factor of the Improvement of the State and Municipal Management in the Russian Federation], *Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya* [RUDN Journal of Political Science], 2014, no. 3, pp. 47—59.
2. Kinyasheva Yu.B., Murashchenkov S.V. Rol' grazhdanskikh initsiativ v reshenii sotsial'no-ekonomicheskikh problem regiona [The Role of Civic Initiatives in Solving Social-Economic Problems of the Region], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2016, no. 2, pp. 23—28.
3. Nozhka S.M., Chumachenko A.P. Sotsial'no znachimye politicheskie initsiativy kak integrativnaya kategoriya politicheskoy kommunikatsii: priblizhenie k formulirovaniyu definitsii [Socially Significant Political Initiatives as an Integrative Category of Political Communication: Approaching the Formulation of a Definition], *Elektronnyy nauchnyy zhurnal «GosReg»* [Electronic Scientific Journal «GosReg»], 2019, no. 1, pp. 43—51.
4. Miryasova O. *Chto takoe grazhdanskije initsiativy?* [What are Civic Initiatives?] // Available at: <http://www.rpk.len.ru/theory/CivInit.html> (accessed: 02.05.2024).
5. Kanevskiy P.S. Natsional'nye modeli lobbizma: tipy i mekhanizmy funktsionirovaniya [National Models of Lobbying: Types and Mechanisms of Functioning], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2013, no. 3, pp. 121—138.
6. Shmitt K. Ponyatie politicheskogo [The Notion of Political], *Antologiya mirovoy politicheskoy mysli* [Anthology of World Political Thought]: v 5 t. Moscow, 1997, vol. 2, pp. 290—310.
7. Auzan A. *Chelovecheskiy kapital i rol' dogovorospobnosti: kak izmenilis' NKO za 30 let* [Human Capital and the Role of Contractual Capacity: How NPOs Have Changed over 30 Years]. Available at: <https://asi.org.ru/2024/04/25/chelovecheskiy-kapital-i-rol-dogovorospobnosti-kak-izmenilis-nko-za-30-let/> (accessed: 27.08.2024).
8. Rukina I.M., Anfimova A.Yu. Inostrannye agenty kak faktor razrusheniya gosudarstvennogo suvereniteta [Foreign Agents as Factor of Destruction of the State Sovereignty], *Vestnik RAEN* [Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences], 2017, vol. 17, no. 1, pp. 118—121.
9. *Analiticheskij obzor strategiy rasprostraneniya gumanitarnogo vliyaniya zarubezhnykh stran na postsovetskom prostranstve* [Analytical Review of Strategies for Spreading the Humanitarian Influence of Foreign Countries in the Post-Soviet Countries]. Moscow : Rossotrudnichestvo, 2020, 60 p.
10. Bobrova O.V., Podberezin A.I., Podberezkina O.A. Negosudarstvennye instituty razvitiya – silovye sredstva politiki [Non-State Development Institutions - Policy Enablers], *Nauchno-analiticheskij zhurnal Obzrevatel' – Observe r* [Scientific and Analytical Journal «Observer»], 2021, no. 9, pp. 5—33.
11. Komarovskiy V.S. Evolyutsiya vzglyadov na gosudarstvo v postsovetskoy Rossii i na Zapade na rubezhe vekov [Evolution of Views on the State in Post-Soviet Russia and the West at the Turn of the Century], *Uchenye zapiski Rossiyskogo gosudarstvennogo sotsial'nogo universiteta* [Academic Notes of the Russian State Social University], 2013, no. 4, (118), vol. 2, pp. 5—8.
12. Bauman Zigmunt. *Individualizirovannoe soobshchestvo* [The Individualized Society]. Moscow: Logos, 2005, 390 p. Translated from English.
13. Artyukhina V.A. Sotsial'nyy protest kak proyavlenie grazhdanskogo obshchestva [Social Protest as a Manifestation of Civil Society], *Sotsiologiya v sovremennom mire: nauka, obrazovanie, tvorchestvo* [Sociology in the Modern World: Science, Education, Creativity], 2011, no. 3, pp. 251—255.
14. Travaglino G.A. Social sciences and social movements: the theoretical context, *Contemporary Social Science*, 2014, vol. 1, pp. 1—14.
15. Molodchik E.L. *Obshchestvennye dvizheniya i grazhdanskije initsiativy v Rossiyskoy Federatsii v 1985–1999 gg.* [Public Movements and Civic Initiatives in the Russian Federation in 1985–1999], Cand. ist. sci. diss. Moscow, 2010, 202 p.
16. Sokolov A.V., Levchenko I.A. Rezul'tativnost' deyatelnosti protestnykh grupp: pokazateli i ikh aprobatsiya [Effectiveness of Protest Groups' Activity: Indicators and Their Testing], *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], 2018, vol. 19, no. 2, pp. 79—100.
17. Kutygina E.N. *Kul'tura politicheskogo protesta* [The Culture of Political Protest], Kand. polit. sci. diss. Abstr. Rostov-na-Donu, 2005, 24 p.

18. Laletin I.N. *Grazhdanskie protesty v rossiyskom obshchestve v usloviyakh transformatsii: formirovanie i sotsial'naya dinamika* [Civil Protests in Russian Society under Transformation: Formation and Social Dynamics]: Cand. sotsiol. sci. diss. Abstr. Rostov-na-Donu, 2013, 27 p.
19. Ul'danov A.A. Protest public as a source of civic initiatives on the example of mass protests in Russia 2011–2012, *Pravo i politika* [Law and Politics], 2016, no. 3, pp. 388–396.
20. Belyaeva N.Yu. Publichnaya politika v Rossii: soprotivlenie sredey [Public Policy in Russia: Resistance of the Medium], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2007, no. 1, pp. 22–32.
21. Pivovarov Yu.S. Russkaya vlast' i publichnaya politika (zametki istorika o prichinakh neudachi demokraticeskogo tranzita) [Russian Power and Public Policy (A Historian's Notes About the Reasons of Unsuccess of the Democratic Transition)], *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2006, no. 1, pp. 34–42.
22. Belyaeva N.Yu. Razvitie kontsepta publichnoy politiki: vnimanie «dvizhushchim silam» i upravlyayushchim sub"ektam [Developing the Concept of Public Policy: Attention to «Driving Forces» and Governing Actors], *Polis* [Polis], 2011, no. 3, pp. 72–87.
23. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the «Triggers» of Political Changes in Hibrid Regimes: the Cases of Tunisia, Marocco, and Egypt, *Societies and Political Orders in Transition*, 2019, pp. 233–257.
24. Vishnyak M. Politika i mirosozertsanie (O «russkom sotsializme») [Politics and Worldview (On «Russian Socialism»)], *Sovremennye zapiski* [Contemporary Notes], 1928, kn. XXXVI, 350 p.
25. Ezhov D.A. K voprosu ob effektivnosti pravovykh mekhanizmov sderzhivaniya destruktivnoy deyatel'nosti ekologicheskikh organizatsiy v Rossii [To the Issue of Effectiveness of Legal Mechanisms for Deterrent of Destructive Activity of Ecological Organizations in Russia], *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], 2019, vol. 8, no. 4 (29), pp. 330–332.
26. Ogneva V.V., Kiselev S.A. Problemyne aspekty gosudarstvennogo regulirovaniya deyatel'nosti politicheskogo instituta inostrannykh agentov v sovremennoy Rossii [Problematic Aspects of State Regulation of the Activities of the Political Institute of Foreign Agents in Modern Russia], *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences], 2023, iss. 1, pp. 36–45.
27. Omel'chenko N.A., Gimazova Yu.V. O demokraticeskom idolopoklonnichestve, khimerakh russkogo politicheskogo liberalizma i demokratii v Rossii [On Democratic Idolatry, Chimeras of Russian Political Liberalism and Democracy in Russia], *Sotsiodinamika* [Sociodynamics], 2013, no. 9, pp. 153–182.
28. Ol'denburg S.S. *Tsarstvovanie Nikolaya II* [The reign of Nicholas the 2nd]. Moscow : AST, 2003, pp. 450–458.
29. Baranov N.A., Bugaychuk T.V., Koryakovtseva O.A. i dr. *Grazhdanskaya identichnost' rossiyan: sovremennyy politicheskyy kontsept* [Civic Identity of Russians: A Modern Political Concept]: monogr. Yaroslavl' : YaGPU, 2022, 179 p.

Информация об авторах

Баталова Юлия Владимировна — кандидат политических наук, доцент, начальник отдела организации защит диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: 3j@mail.ru

Айрапетян Юрий Рачикович — аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, председатель правления межрегиональной общественной организации малого и среднего предпринимательства «Новая формация», Москва, Российская Федерация. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Information about the authors

Yulia V. Batalova — Candidate of Political Science, Associate Professor, Head of the Dissertation Defense Organization Department of Postgraduate and Doctoral Studies Directorate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: 3j@mail.ru

Yuri R. Ayrapetyan — PhD student, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chairman of the Board of the interregional public organization of small and medium-sized enterprises «New Formation», Moscow, Russian Federation. E-mail: y.ayrapetyan@nform.ru

Статья поступила в редакцию 01.09.2024; одобрена после рецензирования 04.10.2024; принята к публикации 15.11.2024.

The article was submitted 01.09.2024; approved after reviewing 04.10.2024; accepted for publication 15.11.2024.